

ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ ВОЛОГОДСКИМЪ

ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

Апрѣля 1.

№ 7.

1870 года.

С Л О В О

ВЪ ВОЛОГОДСКОМЪ СПАСОКАМЕННОМЪ ДУХОВЪ МО-
НАСТЫРѢ ПРИ ПОГРЕБЕНІИ БОЛЯРИНА АЛЕКСАНДРА
ПАВЛОВ. ЗАСѢЦКАГО, 17 МАРТА 1870 года.

*Приидите, послѣднее цѣлованіе дадимъ,
братіе, умершему, благодаряще Бога
(Пѣснь Церк. надгроб.)*

Се предъ нами почившій собратъ нашъ возлечь въ гробъ.—Какъ это свершилось неожиданно!!—Недавно, такъ радушно посѣщаль онъ насъ, такъ привѣтливо бесѣдовалъ съ нами,—и вотъ неумолимая смерть навсегда сковала уста его, и мы видимъ предъ собою столь печальное зрѣлище.—Дайте мнѣ довольно словъ, чтобы я могъ вполне выразить всю глубину скорби, поразившей насъ; дайте мнѣ такое обиліе слезъ, чтобы могъ достойно оплакать кончину его.

Что-же скажу я вамъ, собравшимся въ обитель сію—воздать послѣдній долгъ почившему?—Приидите, послѣднее цѣлованіе дадимъ, братіе, умершему, благодаряще Бога,—вотъ къ

чему призываетъ насъ теперь гласъ Церкви. Было время цѣлованіямъ радости, насталь часъ цѣлованію скорбному; привѣтствовали прежде живаго лобзаніями первыми, дадимъ нынѣ умершему цѣлованіе послѣднее. Таковъ непреложный законъ земнаго бытія нашего! Оно начинается и кончается: всѣ мы, какъ странники и пришельцы на землѣ, идемъ и переходимъ въ небесную отчизну; всѣ, какъ дѣющіе жунло, приходимъ на торжище живни, и пакн возвращаемся въ домъ отчій. И такъ, не только братская любовь, а и собственное благо наше обязываетъ насъ воздавать послѣдній долгъ любви другимъ, чтобъ воздали, въ свою чреду, и намъ, — послужить послѣдному исходу другимъ, чтобъ послужили и нашему! — Какъ и чѣмъ послужить? Во первыхъ возблагодаримъ Господа за временную жизнь, которую скончалъ почившій собратъ нашъ. Даръ жизни есть первый и величайшій изъ даровъ благодати Божіей. Правда, мы сами обратили во зло себѣ сей даръ Божій: обезобразили сами Богоподобное естество свое грѣхомъ и нечестіемъ; сами отравили жизнь свою скорбями и бѣдствіями, — такъ что теперь человекъ и рождается уже не на радости, а на печали. Но премилосердный Господь, выскуча погибшихъ, и обѣтовавъ всеовершенство въ вѣчности, не лишилъ насъ даровъ благодати Своей и здѣсь. — Сколько чистыхъ и святыхъ радостей можетъ еще вкушать Христіанинъ и теперь, въ дни тяготящей на насъ кары — гнѣва Божія! — Возблагодаримъ Господа за то, что ему дано было вкусить того, что во всѣхъ земныхъ радостяхъ есть чистаго и непорочнаго. Святая радость о Богѣ — Творцѣ и Промыслителѣ, о Силѣ Божіемъ — ходатаѣ и Испунителѣ, о Духѣ Святомъ — Утѣшителѣ и Просвѣтителѣ, — первая и драгоценнѣйшая радость падшаго и обновленнаго человека — не была ли доступна его сердцу? — Въ чемъ почившій собратъ нашъ преимущественно находилъ утѣшеніе въ сей юдоли плача? — Въ чтеніи слова Божія. Въ этомъ отношеніи особенно поучительна любовь его къ чтенію

богвдохновенныхъ псалмовъ пророка Давида. Книга псалмовъ была для него самымъ лучшимъ собесѣдникомъ и другомъ его. Онъ находилъ въ ней истинную отраду для себя въ болѣзняхъ тѣлесныхъ и извлекалъ изъ сего сокровища цѣлительное врачевство отъ скорбей душевныхъ. Рѣдкій примѣръ въ наше время! — Кто не знаетъ пламеннаго усердія его къ св. обителямъ Православной Церкви? О чемъ онъ любилъ такъ часто бесѣдовать, какъ не о томъ благолѣпіи, какое онъ замѣчалъ въ сихъ обителяхъ, о тѣхъ живыхъ и спасительныхъ впечатлѣніяхъ, какія онъ умѣлъ извлекать отсюда? Съ кѣмъ онъ главнымъ образомъ любилъ вести свою бесѣду? — Съ тѣми лицами, которые посвятили себя преимущественно на служение Господу. Домъ его иногда походилъ какъ-бы на Церковь: въ немъ нерѣдко совершались всенощныя бдѣнія, молебное пѣніе и съ усердіемъ читались извѣстные церковные акафисты и каноны. Если при этомъ взять еще во вниманіе его удивительный скромный образъ жизни, — его строгость въ соблюденіи постовъ Православной Церкви, его рѣшительное отчужденіе отъ разныхъ общепринятыхъ видовъ разсѣяннаго и ненормальнаго препровожденія времени, — если всѣ сіи прекрасныя черты совокупить во едино, то предъ нами живо предстанетъ свѣтлый образъ древне-русскаго, православнаго боярина, — который любилъ св. обители, ихъ благоукрашеніе и благолѣпіе, чтить служителей Божіихъ, дорожилъ ихъ благословеніемъ, любилъ читать преимущественно божественныя книги и бесѣдовать о духовныхъ предметахъ. Но что еще особенно замѣчательно было въ нравственномъ характерѣ почившаго, — это — глубокое раснодеженіе его сердца — съкровенно, незримо отъ людскаго взора, благотворить блаженнымъ своимъ. Сколько, можетъ быть удовлетворено вопиющихъ нуждъ бѣдныхъ! Сколько, осушено слезъ, сграждущихъ и немощныхъ! Да воздастъ ему, Господь теперь, на небѣ предъ Ангелами Божіими за то добро, какое онъ творилъ тайно здѣсь на землѣ. Да приметъ душу.

сво въ вѣчные вровы! А какая радость можетъ сравниться съ тѣмъ чувствомъ глубокаго мира, который вкушаетъ душа христіанина, совершающаго истинно — христіанское доброе дѣло!

Непорочное утѣшеніе любовію родственною, пріязнію и благородрасположеніемъ знаемыхъ, сердечнымъ уваженіемъ младшихъ, благоволительнымъ вниманіемъ высшихъ—не сопровождало-ли его во всѣ дни жизни?—О всемъ и о всѣхъ буди имя Господне благословенно во вѣки!

Но, братіе христіане, жизнь человѣческая, какъ бы ни была даже плодоплодна и хороша, еще неполна и несовершенна, если не вѣнчается столь же хорошимъ концомъ. Этотъ золотой вѣнецъ жизни, который окончательно украшаетъ ее, есть христіанская кончина живота нашего,—залогъ непостыднаго отвѣта на страшномъ судищи Христовомъ.—Но почившему собрату нашему весьма была близка спасительная мысль—удостоиться кончины христіанской,—и какъ онъ любилъ бесѣдовать о загробной жизни!—Видно, мысль о смертномъ часѣ нерѣдко занимала его духъ. Такимъ образомъ онъ незамѣтно и постепенно приготавливалъ себя къ переходу въ вѣчность. Но что всего замѣчательнѣе,—это то, что онъ нынѣ въ теченіи первой седмицы великаго поста, когда былъ здоровъ, съ полнымъ соблюденіемъ всѣхъ церковныхъ правилъ, приступилъ къ св. таинству покаянія и удостоился очищеннымъ духомъ и сердцемъ причаститься пречистыхъ и животворящихъ Таинъ Христовыхъ, и недолго времени спустя, отошелъ въ вѣчность, съ молитвою на устахъ, безболѣзненно.—Для многихъ людей, находящихся въ предсмертномъ состояніи, долгая и тяжкая болѣзнь служить нерѣдко сильнымъ препятствіемъ къ тому, чтобы имъ собрать надлежащимъ образомъ и испытать свои нравственныя силы, сознать поглубже свои грѣхи и съ должнымъ приготовленіемъ отойти ко Господу. Въ этомъ отношеніи скорая безболѣзненная кончина, послѣ принятія св.

Таинствъ Церкви, въ полномъ нестѣсенномъ болѣзнію сознаніи, есть по истинѣ великое благодѣяніе Божіе, — и мы вѣруемъ, Господи, Твоему Божественному обѣтованію: *Ядыю мою плоть и нияі Мою кровь имать животъ вѣчный* (Іоан. VI, 54:), *и на судъ не придетъ, но преидетъ отъ смерти въ животъ* (Іоан. V, 24:), *вѣруяі въ Мя, аще и умретъ, оживетъ* (Іоан. XI, 25:). Ибо Ты единъ жизнь и воскресеніе наше, Ты оправданіе и спасеніе наше, Ты надежда и упованіе наше! — Если-бы предъ нами приподнята была завѣса вѣчности, то мы сами, конечно, увидѣли-бы, что часъ исхода его отъ насъ былъ самый лучшій часъ для вступленія его въ ту область бытія, — высшаго, непрестающаго, — куда всѣмъ намъ идти должно, и въ сравненія съ коимъ наша жизнь естъ, можетъ быть, не болѣе, какъ тяжелое сновидѣніе. Съ сею вѣрою въ непреложность обѣтованій Божественныхъ, въ безконечныя заслуги и неизрѣченное милосердіе сладчайшаго Искупителя нашего, въ дѣйствительную силу молитвъ Церкви небесной и земной, предаемъ тебя, возлюбленный братъ нашъ, безконечному милосердію Отца небеснаго. Съ сею вѣрою, провождая тебя ко гробу, воспоемъ вмѣстѣ съ Церковію: блаженъ путь, въ онъ же идешь днешь, яко уготовано тебѣ мѣсто упокоенія. Блаженъ путь твой: ибо послѣ того, какъ Господь Иисусъ Христосъ Самъ благоволилъ пройти симъ, прежде мрачнымъ и страшнымъ, путемъ смерти, онъ содѣлался для насъ путемъ къ вѣчному успокоенію отъ трудовъ земной жизни, началомъ новой нескончаемой жизни въ Богѣ, свѣтлою лѣствицею къ небеси.

Братіе христіане, раньше или позже настанетъ и нашъ часъ, и мы поидемъ въ тотъ же смертный путь!.. А до того времени у насъ одно мѣсто свиданія съ тобою, почившій братъ нашъ: — это св. храмъ Божій, гдѣ приносится выну безкровная жертва за живыхъ и умершихъ, и гдѣ предъ Агнцемъ, закланнымъ отъ сложенія міра, церковь небесная соединяется

съ земною; — это твоя, приснопамятная для насъ, гробница въ тиши уединенной обители, подъ свѣною храма Божіа(*), гдѣ избралъ ты мѣсто покоя для своего тѣла. — Теперь одно Божодаровацное средство общенія съ тобою: это св. молитва дѣръ, которая не знаетъ разстоянія времени и мѣсть, проходить небеса и восходитъ въ престолу Божію; — и мы не престаеми возносить ее къ Богу духовъ и всякіа плоти, смерть поправшему и діавола упразднившему Господу нашему Исусу Христу: да пощадитъ Онъ тебя на страшномъ и праведномъ судѣ Своемъ; да проститъ всѣ согрѣшенія твои ради всеочищающей жертвы, принесенной Имъ за грѣхи мира, ради ходатайства Святыхъ, ради молитвъ Св. Церкви; да сподобитъ того неуваждаемаго вѣнца славы, который сбѣговалъ Онъ любящимъ Его и тѣхъ почестей вышняго званія, предъ коими ничтожны всѣ почести свѣта.

Упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего, боярина Александра, въ мѣстѣ св. тѣлѣ, въ мѣстѣ злачнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, и учини его въ раи, идѣ же лица Святыхъ, Господи, и праведницы сияють, яко свѣтила. Аминь.

Ректоръ Семинаріи Архимандритъ *Аврамій*.

(*) Тѣло усопшаго погребено въ нижнемъ этажѣ новопостроеннаго Знаменскаго храма, въ правомъ придѣлѣ во имя Св. Благовѣрнаго Князя Іоасафа, Камскаго Чудотворца.